

УДК 101

© 2013 г. В.Ю. Князева

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАВИЛ

[V.Yu. Knyazeva. Communicative strategies in the space of language rules]

The article examines the term language rule given in the theory of Ludwig Wittgenstein, in the aspect of research of communicative practices in scientific communities. The pragmatic aspect of communication is exposed using the Wittgenstein's term of "language-game", which involves the usage of the "rules of language" as a condition for the common understanding on the "field of game". Further analysis of the phenomenon of understanding is covered as a foundation for the community development within the limits of its communicative practices. The thesis of necessity of philosophic analysis of rule of language from the point of view of communicative premises of its emergence and actualization within the community is considered. The limits of the consideration of the rule of language within the communication as a normative notion are located and the ontological perspectives of the analysis from the position of understanding and revelation of the sense in communication are given.

Key words: *communicative strategies, language rule, language game, community.*

Система коммуникации, рассматриваемая в философском аспекте, всегда обнаруживает «нечто-большее-чем» простая совокупность ее структурных элементов: отправитель-сообщение-получатель. Взаимосвязь субъектов коммуникации осуществляется на основе тех смыслов, которые сообщаются и разделяются субъектами в результате понимания. Коммуникация как такая возможность «делать общим» предписывает некий горизонт смыслов, благодаря чему и становится возможным говорить о «коммуникативной реальности». Конструирование коммуникативной реальности осуществляется ее субъектами совместно за счет возможности понимания этих смыслов. Такое конструирование неизбежно предполагает языковой характер установления связи и наличие некоего «общего языка» у субъектов коммуникации. Коммуникация при этом может быть рассмотрена в

прагматическом аспекте, что также подразумевает наличие определенных стратегий коммуникации. В связи с этим предполагается оправданным рассмотреть проблему языкового правила как некой точки, формирующей связь субъектов, разделяющих эти правила.

Функционирование языка в условиях коммуникации подробно рассматривается в работе «Философские исследования» Людвиг Витгенштейна [1, с. 75]. Работая в традиции аналитической философии, Витгенштейн обращается к повседневному языку и обосновывает необходимость его анализа: «Говоря о языке (слове, предложении и т.д.), я должен говорить о повседневном языке. <...> В рассуждениях, касающихся языка, я уже вынужден прибегать к полному (а не к какому-то предварительному, подготовительному) языку» [1, с. 120].

Для рассуждения, посвященного природе языка, Витгенштейн использует категорию «языковой игры» как «языка и действий, с которыми он переплетен» [1, с. 84]. Соответственно, термин языковая игра «призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [1, с. 90]. Как показывает дальнейшее рассуждение, речь идет именно о со-вместной деятельности. В данном контексте деятельность тесным образом связана с прагматическим аспектом языка. А значит, именно способы употребления языка в ходе совместной деятельности, по Витгенштейну, определяют его смысловую наполненность, подтверждая гипотезу о том, что смысл конструируется коммуникативно. Соответственно, «языковая игра» может содержать различные способы употребления языка или иметь несколько вариантов разворачивания на игровом поле, которые мы можем понимать как стратегии языковых игр или коммуникативные стратегии, способствующие достижению наших целей в ходе совместной деятельности благодаря пониманию.

Способность понимания развивается в процессе употребления языка, что Витгенштейн иллюстрирует на примере обучения языку: «указательное обучение помогает пониманию, но только в сочетании с определенной тренировкой» [1, с. 83]. Но такая «тренировка» как применение языка в ходе языковой игры уже предполагает понимание. Соответственно, и любое объяснение значения при обучении способствует пониманию, а значит, и правильному применению, только если мы уже владеем какой-либо языковой игрой, если «почва для этого уже подготовлена» [1, с. 93-94]. Предположив, что это не так и обозначив вход в языковую игру «с чистого листа», мы будем вынужде-

ны объяснить первый же ход в языковой игре «другими словами», которые также потребуют объяснений, обращая обучение в бесконечный регресс к «последнему» объяснению [1, с. 93].

Предзаданное владение языковой игрой, о котором говорит Витгенштейн, состоит не в знании правил языковой игры, а в освоении другого рода: «То, что мы называем правилом игры, может играть в ней весьма разные роли <...> Правило может быть инструкцией при обучении игре. Его сообщают учащемуся и обучают его применению правила. Или же правило выступает как инструмент самой игры. Или же его не применяют ни при обучении игре, ни в самой игре; не входит оно и в перечень правил игры. Игре обучаются, глядя на игру других. Но мы говорим, что в игре соблюдаются те или иные правила, так как наблюдатель может «вычитать» эти правила из практики самой игры» [1, с. 105]. Витгенштейн таким образом задает изначальную включенность в практику языковой игры, которую мы уже застаем.

При этом границы понятия «игра» оказываются не определенными, поскольку определить игру удастся только через дизъюнкцию совокупностей всех присущих играм свойств [1, с. 111]. Мы не можем однозначно сказать, что является игрой, а что уже перестает ею быть. «Можно сказать, что понятие «игры» понятие с расплывчатыми границами» [1, с. 113]. Это приводит к устранению самоочевидности понятия языковой игры и предположению, что большое количество вопросов при его рассмотрении обнаруживает сомнение или некий пробел в основаниях, устранив которые, мы сможем прийти к «достовверному пониманию» правил игры [1, с. 120-121]. Пытаясь таким образом очертить границу, добиться большей точности и определенности, мы всегда обнаруживаем, что «меловая граница» имеет толщину и эта работа оказывается «работой вхолостую». Установление пределов (lim) языковой игры всегда оказывается нашим стремлением, но не предельным, полным точности результатом, а наше требование оказывается подобным идеальным условиям, отрицающим «силу трения» [1, с. 126]. Ее отсутствие в то же время лишает нас возможности двигаться в пространстве игры, поскольку оказывается, что такой «неопределенный смысл, по сути, вообще не был бы смыслом» [там же].

Однако здравый смысл подсказывает нам, что имея дело с обыденным языком, мы уже имеем дело с определенным порядком. «С другой стороны, кажется очевидным: там, где есть смысл, должен быть совершенный поряд-

док. Выходит, даже в самом расплывчатом предложении должен быть совершенный порядок» [1, с. 125]. При этом, подчеркивает Витгенштейн, случается так, что правила могут быть установлены и по ходу языковой игры: «мы устанавливаем правила и технику игры, а затем, следуя этим правилам, сталкиваемся с тем, что не все идет так, как было задумано нами» [1, с. 130]. Возможность понимания сохраняется.

Обратившись к рассуждению по поводу понимания, Витгенштейн первоначально определяет его как «некое состояние» [1, с. 138], обнаруживая точку зрения диспозиционного подхода. Понимание выступает как чувство, которое наступает в определенный момент и может быть охарактеризовано как вздох облегчения: «о, это легко» [1, с. 140], своего рода «инсайт-интуиция». Но, по признанию Витгенштейна, понимание включает нечто большее, чем подобное проявление понимания. Критерием понимания остается не ощущение понимания правила, а возможность его применения. Понимание приходит, будто применение уже предопределено в акте осмысления. Парадокс здесь заключается в том, что такая предопределенность в момент понимания все же не содержит в себе всех правил будущего развертывания. Связь между предложением сыграть в игру и всеми правилами игры остается не проясненной [1, с. 161]. Лишь при вхождении в игру мы осуществляем шаги, интерпретируя то или иное правило. Сама же интерпретация «повисает в воздухе», что и приводит к выводу о том, что «ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести к некому правилу» [1, с. 163]. И в то же время, помимо интерпретации есть то, что называется «следованием правилу» и «действием вопреки», то что можно обнаружить в рамках практики, совместного поведения людей [1, с. 164]. Соответственно, и понимание, по мнению Витгенштейна, достигается лишь согласованностью правил, согласованностью определений и суждений [1, с. 170]. Попытка выхода на метаязыковой уровень требует предопределенной согласованности правил для достижения целей в игре, но которые, в свою очередь, также требуют некоторого понимания, возникающего благодаря регулярной совместной практике. Необходимость такой совместной практики как условия взаимопонимания, конституирующего правило, и является основным аргументом Витгенштейна против индивидуального языка, «иначе мысль о подчинении правилу была бы тем же, что и само подчинение» [1, с. 163]

Обращаясь к исследованию этого аргумента Сол Аарон Крипке говорит о необходимости отдельного рассмотрения в этом аспекте правила математической логики, как несводимого к универсальному правилу. Скептический парадокс в этом случае может быть представлен как сомнение в «металингвистическом смысле» [2, с. 21]. Сол Крипке развивает свое рассуждение на основании простого арифметического примера. С точки зрения скептика, говоря, например, «плюс» при вычислении некоего выражения, говорящий также мог подразумевать другую функцию, условно обозначенную как «квус» [2, с. 22], в соответствии с данными самому себе инструкциями ранее. Именно такой маловероятный пример дает возможность по-новому взглянуть на проблематику правила. В частности, сомнение здесь может быть выражено, в первую очередь, как сомнение в «ментальном состоянии» говорящего в прошлом. Словоупотребление в настоящем не ставится под сомнение, поскольку дискуссия относительно «плюс и квус» в настоящем требует некоего «общего языка», чтобы иметь возможность состояться. Проблема не является скептической относительно арифметики, демонстрируя различие между употреблением и упоминанием [2, с. 27], которое и позволяет сформулировать проблему в принципе.

Существенным основанием для сомнения, которое конституирует скептический парадокс Витгенштейна, по мнению Крипке, здесь является отсутствие некоторого факта в прошлом, подкрепляющего то, что подразумевается под «плюс» в настоящем или то, что «уполномочивает» нас на некоторое словоупотребление [2, с. 31]. Утверждение об отсутствии такого факта, в свою очередь, связано с конечностью истории нашего «ментального прошлого» [там же], которая фактически не содержит этот новый частный пример того что мы называем «сложением» и следовательно может лишь предоставить нам некоторую интерпретацию правила «сложения», усвоенного нами в прошлом на конечном множестве «аналогичных», но не тождественных примеров применения этого правила. Приведенное таким образом усвоение правила возникает в результате экземплификации, конечной в своей сущности. «Схватывание» некоего правила отлично от того, чтобы получить интроспективный доступ (обращаясь к данному примеру) ко всей таблице сложения, которая позволила бы нам «извлекать» из нее ответ на каждый конкретный пример. И вопрос скептика заключается в том, какой же факт дает нам осно-

вание считать экземплификацию универсальной, в каких случаях мы правомочны считать некий конечный отрезок закономерной частью бесконечной «линии тренда», до каких пор, словами Витгенштейна, мы «ведем себя тем же самым образом» [2, с. 36].

При этом «диспозиционная теория», подчеркивает Крипке, не предоставляет такого факта [2, с. 43]. В попытке преодолеть конечность нашего опыта, апеллируя к некой предрасположенности дать определенный ответ, диспозиционная теория, как доказывает Крипке, оказывается каузальной, детерминированной и требует включения в рассмотрение и тех ошибок, которые мы также склонны или предрасположены совершать [2, с. 47]. В этом случае диспозиционная точка зрения становится «уравниванием исполнения и корректности» [2, с. 43], не учитывая что наши предрасположенности оказываются конечны в случае ошибки. Это затруднение не может быть преодолено и «проведением различия между «компетентностью» и «исполнением» [2, с. 52], поскольку «компетентность», в соответствии с рассуждением Крипке, не является диспозиционным понятием, оно «нормативно, а не дескриптивно» [2, с. 53]. В случае же с пониманием правила в контексте скептического парадокса речь как раз идет о своего рода нормативности, которая позволила бы сделать будущие действия «неотвратимыми» [2, с. 65]. Правило таким образом не является чем-то объясняющим наше поведение.

В то же время, как доказывает Крипке, на роль такого фактического обстоятельства, оправдывающего будущие действия, не подходит и некое «интроспективное переживание», обладающее особым, ни к чему не сводимым качеством. Поскольку «нет такого внутреннего впечатления с некоторым качеством, которое могло бы само по себе сообщить, как оно должно применяться в будущем» [2, с. 69]. Никакие интроспективные «впечатления» или «образы» не могут ответить на вопрос: «Что говорит мне, каким образом я должен применять данное правило в новом случае?» [2, с. 70]. А это значит, что понимание, а также воспоминание, чтение и другие «состояния намерения», попадающие под скептическую проблему Витгенштейна [2, с. 80], не являются «ментальными состояниями» в том смысле, который вкладывал в это понятие Витгенштейн (головная боль, щекотка и пр.) [2, с. 79-80]. В противном случае, «такое состояние должно было бы быть конечным объектом, содержащимся в наших конечных сознаниях» [2, с. 82]. А это, несмотря на

тезис, что фактически «каждый из нас мыслит только конечное множество случаев» [там же], не может ответить на проблему «каким образом наши конечные сознания могут задавать правила, которые предполагается применять к бесконечному числу случаев».

Эта проблема тесно связана с тем, что мы называем «сходным» (или «тем же самым», пользуясь терминологией Витгенштейна), которое «обнаруживается в нашей практике, но не может ее объяснить» [2, с. 91]. Парадокс Витгенштейна основывается на «проблематизации определенной связи прошлого и будущего» [2, с. 96]. И если в рассуждении Витгенштейна эта связь обнаруживается в соотношении между нашими прошлыми и будущими «намерениями», то, по аналогии Крипке, подобная связь обнаруживается и в скептицизме Давида Юма при рассмотрении каузальной связи, определяющей взаимосвязь прошлого и будущего события.

Аналогия проводится между «аргументом индивидуального языка» Витгенштейна и «невозможностью индивидуальной причинности» по Юму. В соответствии с приведенным Крипке рассуждением, «Только когда частные события а и b мыслятся как подпадающие под два соответствующих типа событий А и В, которые соотнесены посредством обобщения, что за всеми событиями типа А следуют события типа В», только тогда мы можем говорить о некоей причинности [2, с. 103]. Частные события, рассматриваемые сами по себе, в отрыве от универсума, не могут рассматриваться как продуцирующие друг друга. Сущность правила в концепции Витгенштейна тесно связана с подобным пониманием обобщения, делает вывод Крипке.

При использовании такой же логики рассуждения при анализе обыденного языка мы выводим на первый план не язык индивида в изоляции, а коммуникативные аспекты возникновения и существования правил, а следовательно, как было показано, и вопросы прагматики. Тогда фокус проблемы смещается от условий истинности к условиям обоснованности, что можно выразить смещением акцента от вопроса «Что должно иметь место, чтобы это предложение оказалось истинным?» к двум другим: «При каких условиях данная форма слов может соответствующим образом утверждаться (или отрицаться)?» и «Какова в нашей жизнедеятельности роль или полезность нашей практики утверждения (или отрицания) этой формы слов в этих условиях?» [2, с. 110]. Эта замена, по замечанию Крипке, необходима для того,

«чтобы дать описание утверждений относительно самих значений, рассмотренных как утверждения *внутри* языка» [2, с. 116], обнаруживая имманентный подход в исследовании вопроса. Такой подход противостоит во многом «естественной предпосылке» при решении парадокса, которая подразумевает необходимость «соответствовать фактам» для декларативных предложений. Но в то же самое время, это позволяет рассмотреть сущность «языковой игры» как совокупности правил, которые при определенных условиях «дают разрешения» на утверждения определенного типа. В результате Крипке приходит к выводу, что роль «языковой игры» и этих условий «включает отсылку к сообществу» [2, с. 118], поскольку эти условия не могут быть указаны для индивида в изоляции.

Отказ от рассмотрения вопроса об условиях истинности утверждения и поиска некоего «факта-в-мире», соотнесенного с утверждением, приводит к отсутствию необходимости поиска «единственных в своем роде интерпретаций, которые могут быть вычитаны единственным в своем роде образом» [2, с. 126] и освобождает сообщество от обязанности быть хранителем таких единственно верных интерпретаций. «Фактически наше действительное сообщество (в первом приближении) единообразно в своих практиках относительно сложения», отмечает Крипке [2, с. 135]. Но это не говорит об «истинности», «сакральности» этих практик, а скорее об имманентных правилах, которые и конституируют сообщество. Способность осуществлять практики точно так же, как их бы осуществляли действующие члены сообщества, является своеобразным пропуском на вход в сообщество. И тот, «чье отклонение не поддается коррекции в достаточном отношении просто, не может участвовать в жизни сообщества и коммуникации» [2, с. 136]. Критерием суждения в данном случае может являться лишь корректное поведение в достаточном количестве случаев при допуске к практикам сообщества. Для того чтобы получить возможность такого допуска и «пройти тест», индивиды принимаются в сообщество «до тех пор, пока будущее отклоняющееся поведение не исключит их» [2, с. 140].

На основании этих рассуждений Сол Крипке делает вывод о трех ключевых понятиях в отношении правил языка. Первое из них – согласие, позволяющее приписать кому-либо соответствие правилам игры, которое проверяется поведением сообщества и конституирует его. Такая согласованность является сущностной для самой игры «приписывания правил и понятий друг другу» [2,

с. 141]. Во-вторых, речь идет о некой «форме жизни» или способе, когда «множество ответов, с которыми мы согласны, переплетаются с нашими действиями» [там же]. Эта форма жизни является сущностной для сообщества, именно она и определяет принадлежность к нему. Само понятие «формы жизни» подсказывает нам о возможном многообразии таких форм, а следовательно – и сообществ. И в-третьих, речь идет о критериях. «Грубо говоря, внешним критерием внутреннего процесса являются обстоятельства, наблюдаемые в поведении индивида» [2, с. 147]. Каждый человек может быть проверен другими на основании этих критериев. И такой способ проверки и есть «исходная часть языковой игры» как некой практики [2, с. 149]. На его основе следование правилу должно рассматриваться в отношении к членству индивида в сообществе. Это и задает определенные границы применения правил, неизбежные в связи с нашей конечностью, а также конечностью наших практик.

Таким образом, анализ коммуникативных практик сообщества смещает фокус рассмотрения языковых правил от понятий нормативности к пониманию обоснованности языкового правила с точки зрения этих практик. Прагматика коммуникативной реальности в этом случае задается сообществом, которое разделяет некую общую «форму жизни», «говорит на одном языке» и достигает соглашения относительно правил языковой игры внутри сообщества. Эти правила также задают порядок включения новых членов в сообщество и их членства в его рамках, а в конечном итоге – и его «форму жизни», основанную на принятых в сообществе коммуникативных стратегиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I. М., 1994.
2. *Крипке С.А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010.

REFERENCES

1. *Wittgenstein L.* Philosophical works. Part I. М., 1994.
2. *Kripke S.A.* Wittgenstein on rules and individual language. Moscow, 2010.

*Удмуртский государственный
университет. г.Ижевск, Россия*

21 декабря 2013 г.